

— Расстегните одежду, согните колени и немного разведите ноги в стороны. — Марко задернул белую ширму и принялся аккуратно прощупывать положение плода. — Постарайтесь расслабиться. Тянувшая боль внизу живота всё еще беспокоит?

— Немного, но сейчас гораздо легче, — Морис приподнял изящный подбородок, устремив отрешенный взгляд в пустой потолок.

За всю жизнь он ни перед кем, кроме Хань Цзина, не представал в столь унижительном положении. Совсем как женщина. Но выбора не было — это обязательная часть осмотра.

"Если рожать придется в больнице, неужели меня ждет то же самое? Придется терпеть излучающие взгляды врачей и медсестер?"

Морис внутренне содрогался от этой мысли. Пальцы его непроизвольно впились в край кушетки.

— Не думайте об этом слишком много. Для врача вы прежде всего пациент, — Марко мельком взглянул на напрягшегося Мориса. Его ровный голос звучал безучастно и даже сухо. — На этой кушетке нет мужчин или женщин. Для меня все они не отличаются от лабораторных трупов. Разница лишь в том, что вы еще дышите и ваше тело теплое. Сейчас я проведу амниоцентез. Игла пройдет сквозь брюшную стенку, будет немного больно. Потерпите, это нужно, чтобы выяснить, повлияли ли сода и другие запрещенные препараты на ребенка. Сколько раз в неделю вы занимаетесь сексом?

Марко готовил инструменты для пункции, держа под рукой снимок Люкс.

— Я не стал спрашивать при Хань Цзине. Но судя по снимкам... ваши внутренние стенки слишком узкие и упругие для человека, который регулярно вступает в интимную связь последние полгода. Вы с Хань Цзином редко... бываете близки?

— Это не та тема, которую тебе стоит обсуждать, Марко, — холодно отрезал Морис, чувствуя себя загнанным в угол львом, которого смеет задирать гиена.

— Из-за чрезмерного тонуса мышц роды могут стать для тебя настоящей пыткой, — серьезно произнес Марко. — Мужская анатомия отличается от женской. У женщин способность к деторождению заложена природой, тогда как у мужчин это медицинское чудо, бросающее вызов самой природе. К тому же твой случай крайне сложен...

Марко осекся. Извлекая длинную иглу из брюшной полости, он заметил, как крошечный прокол на округлом животе мгновенно затянулся, не оставив и следа на коже.

Врач внутренне напрягся. Погрузившись в раздумья, он лишь спустя пару минут поднял глаза на пациента.

— Как самочувствие? Сильно болит?

— Всё в порядке, главное — ребенок.

Морис перенес процедуру без единого вздоха. Подобная боль не шла ни в какое сравнение с теми муками, что он перенес прежде. Единственное, что до сих пор вселяло в него неподдельный ужас — это воспоминания о травме и угрозе выкидыша. Та бесконечная, изнуряющая боль едва не лишила его рассудка.

Острая боль быстро утихла. Морис медленно поднялся, привел в порядок одежду и посмотрел на Марко, который сосредоточенно перемещался между работающими медицинскими приборами.

— Отдохни еще немного, для обработки данных требуется время, — Марко, отбросив назад длинные волосы, засунул руки в карманы белого халата. Заметив, что Морис собирается спустить ноги с кушетки, он быстро подошел и придержал его за плечи: — Осторожнее, не задень провода.

— Почему ты ведешь себя точь-в-точь как Хань Цзин? — Морис нахмурился. Его раздражала эта чрезмерная опека.

— Похоже, он действительно дорожит тобой? — Марко отпустил его плечи и мягко усмехнулся. В его озерно-зеленых глазах промелькнула ленивая улыбка. — Разве это сравнится с тем, какими близкими мы были в юности?

Морис на мгновение замер. Прошло столько лет, и сегодня Марко впервые заговорил об их прошлом. В юности, после безвременной кончины матери, Морис чувствовал себя совершенно потерянным и беспомощным. Тогда только забота тети Гвен и поддержка сверстника Марко помогли ему справиться с горем и одиночеством. Но со временем они начали отдаляться друг от друга, былая теплота сошла на нет... И всё же в самые трудные минуты Марко неизменно оказывался рядом, делая всё возможное, чтобы помочь.

— Мои чувства к тебе и к Хань Цзину разные, но вы оба одинаково дороги мне. Вы двое — те, кому я доверяю больше всего на свете, — Морис мягко улыбнулся, точь-в-точь как в детстве. — Но за последние годы ты сильно изменился. Стал закрытым, слишком рациональным... Совсем не похож на того мальчика, которого я знал. Это из-за работы врачом?

— Наверное... Но разве ты сам не изменился? В правительстве тебя зовут не иначе как Ледяным генералом. А ведь когда-то ты, не стеснясь, плакал у меня на глазах.

— Я стал таким из-за ранней смерти матери. Радикальные перемены в характере никогда не происходят без глубокой причины. Что заставило измениться тебя?

Столкнувшись с пронизательным взглядом Мориса, Марко лишь уклончиво усмехнулся:

— Когда твоими ежедневными собеседниками становятся холодные трупы, а перед глазами мелькают сотни чужих историй болезни, ты поневоле станешь таким же циником.

— Но тебе всё равно придется создать семью. Роду Шеффилд необходим наследник. Скажи честно... у тебя есть кто-то на примете?

— Не слишком ли далеко ты заглядываешь? — попытался уйти от ответа Марко. — Семье Норман тоже необходим преемник, причем обязательно мальчик. А у тебя будет дочь. Вы с Хань Цзином планируете второго ребенка?

Морис приподнял бровь, не поддаваясь на уловку. Его тон оставался непреклонным:

— Ты уходишь от ответа.

— Был один человек... но это дела давно минувших дней, — Марко беззаботно улыбнулся. Его непринужденный вид не позволял понять, говорит ли он правду или просто шутит. — А вот и результаты анализов нашей маленькой леди...

Марко взял распечатанные бланки, мысленно переводя дух. Вести словесную дуэль с Морисом всегда было непросто.

Морис мгновенно забыл о расспросах. Он инстинктивно прижал ладонь к животу, затаив дыхание.

— Всё плохо? — не выдержал Морис, заметив, как помрачнел его друг.

— Напротив. Малышка абсолютно здорова. Как я и думал, сода не нанесла ей никакого вреда, — Марко пробежал глазами отчеты. — Но есть одна поразительная деталь. Она унаследовала твои гены, Морис. Анализ показывает стопроцентную совместимость и полное отсутствие дефектов. Ее геном идеален — это легендарное «божественное тело».

— Абсолютно совершенный?

— Да. Точно такой же, как у тебя.

Морис изумленно вздохнул, но тяжесть, давившая на грудь, наконец отступила. Впрочем, логично: не унаследуй девочка его генетический код, она едва ли смогла бы выжить и благополучно развиваться в его теле.

— И еще кое-что, о чем я обязан тебя предупредить, — Марко отложил бумаги в сторону. — Закатайте рукав и протяните мне руку.

Ничего не понимая, Морис подчинился. Стоило ему обнажить предплечье, как Марко быстрым движением полоснул по нему скальпелем, оставив глубокий порез.

Морис стиснул зубы, собираясь высказать всё, что думает об этой выходке, но осекся. Рана, доходившая почти до кости, затянулась прямо на глазах! Будто застегнулась невидимая молния — кожа срослась за доли секунды, не проронив ни единой капли крови. Невероятно.

— С твоей регенерацией кесарево сечение практически исключено. Придется рожать естественным путем.

Марко вытащил нижний снимок и добавил:

— Малышка немного отстает в весе, так что скажи Хань Цзину, чтобы получше кормил тебя. Кроме того, тебе нужно больше двигаться. И я говорю не только о прогулках — в постели тоже придется проявлять больше активности. Твои мышцы слишком зажаты, без должной тренировки роды превратятся в кошмар.

Хань Цзин, едва сдерживая раздражение, мерил шагами коридор. Каждая минута ожидания казалась вечностью. Но когда дверь наконец открылась и на пороге показался Морис с мягкой, успокаивающей улыбкой, у Хань Цзина мгновенно отлегло от сердца.

Провокации Марко оставили неприятный осадок, но известие о том, что с ребенком всё в порядке, быстро вернуло Хань Цзину душевное равновесие. Более того, после возвращения в отель «Сиринкс» поведение Мориса неуловимо изменилось. Днем его отпуск всё так же поглощала бесконечная бумажная работа, но под покровом ночи, когда они оставались наедине, Морис больше не сдерживал себя из страха навредить плоду. Он стал на удивление инициативным и страстным, увлекая своего альфу в омут безудержного наслаждения.

Хань Цзин был на седьмом небе от счастья. Благодаря молодости и, возможно, генетике атлантов, их ночи превратились в непрекращающийся праздник плоти. Каждое слияние граничило с безумием, а тишину спальни то и дело нарушали хриплые, чувственные стоны Мориса. Хань Цзина не покидало ощущение предначертанности: их тела идеально подходили друг другу. Всякий раз ему казалось, что они достигли предела наслаждения, но следующая ночь открывала новые, еще более глубокие грани экстаза, превосходящие любые фантазии.

Короткий отпуск подходил к концу, но отдыхать им практически не приходилось. Морису пришлось срочно вернуться на Базу № 9, чтобы передать дела генералу Шерману. Кроме того, ему с большим трудом удалось уговорить Симо временно переехать на Золотой берег во Флориде.

У Хань Цзина, чья сдача дел ограничивалась лишь математической группой, забот на службе

было значительно меньше, однако он полностью взял на себя бытовые хлопоты. Капризы Мориса в еде, участие в аукционе за виллу в районе Эрато и сотни других мелких, но хлопотных задач отнимали у него уйму времени и сил.

Выйдя из здания аукциона, он почувствовал свинцовую усталость и потер виски, пытаясь взбодриться. В последнее время Хань Цзин ложился глубоко за полночь: убаюкав Мориса после бурных ласк, он осторожно выбирался из постели, чтобы заняться подготовкой к экспедиции на планету Нордик. Днем его разрывали на части мелкие поручения. Сегодняшние торги, к примеру, отняли целых полдня, и лишь глубокой ночью удавалось выкроить пару часов тишины для серьезной работы.

Стоило ему сесть в машину, как на приборной панели замигал вызов от Мориса. Сделав глубокий вдох, чтобы скрыть усталость, Хань Цзин принял звонок.

— Как дела с домом? Удалось выкупить? — обычно прохладный голос Мориса сейчас звучал удивительно мягко.

— Всё прошло гладко, контракт уже подписан. Как только банк одобрит ипотеку, через две недели сможем переехать.

— Только через две недели? — Морис осекся, понимая, что его нетерпение выдает его с головой, и тут же добавил: — Впрочем, так даже лучше. Будет время провести генеральную уборку и заказать мебель на твой вкус.

— Какой стиль европейской мебели тебе больше нравится? — Хань Цзин спросил это намеренно, зная привычку партнера перекладывать подобные решения на него.

Морис ответил в своей излюбленной манере занятого человека:

— Мне без разницы. Всё, что выберешь ты, понравится и мне.

Это пресловутое «без разницы» регулярно ставило Хань Цзина в тупик. Он стремился к идеалу во всем, желая обустроить их семейное гнездышко как можно уютнее.

— Кстати, ты сейчас где?

— А что?

— Ты ведь недавно заезжал в ресторан «Сукотаи» в районе Юни?

— Да, заезжал. Но мне показалось, тебе тогда не особо понравилось, — Хань Цзин помнил, что Морис едва притронулся к еде.

— Зато сейчас безумно хочется. Накатила жуткая тяга к тому рису с манго и супу том-ям, что ты привозил, — Морис терпел это навязчивое желание весь день и наконец, переборов смущение, озвучил его. Все старания Хань Цзина были вознаграждены сполна.

— Понял, сейчас же съезжу и куплю, — Хань Цзин невольно улыбнулся, чувствуя прилив нежности. — Не забудь выпить теплое молоко. Если оно остыло, попроси в отеле принести свежее.

— Уже выпил, — на том конце провода раздался писк входящего письма. Морис снова погрузился в дела, принимая заботу альфы как нечто само собой разумеющееся.

— Тогда я буду немного позже... — Хань Цзин хотел сказать что-то еще, но в трубке уже слышалось сосредоточенное молчание.

Перед тем как повесить трубку, Морис всё же ненадолго отвлекся:

— Будь осторожен на дороге. Не заставляй меня волноваться.

— Знаю, — тепло улыбнулся Хань Цзин. Он отложил телефон, бросил взгляд на залитое весенним солнцем шоссе и направил машину в сторону района Юни.

Тайский ресторан «Сукотаи» находился в районе Юни, довольно далеко от отеля «Сиринкс».

Когда Хань Цзин вышел из ресторана с тяжелыми контейнерами в руках, солнце уже клонилось к закату.

На проспекте Кингсвуд он попал в самый разгар вечернего часа пик. Машины едва тащились.

Глядя на бесконечный поток автомобилей впереди, Хань Цзин вздохнул и только потянулся к телефону, чтобы предупредить Мориса, как мобильный зазвонил сам. Он нажал на кнопку приема, даже не глядя на экран — был уверен, что звонит его омега.

— Не волнуйся, я скоро буду. На проспекте Кингсвуд пробка, но я уже всё купил: и твой любимый рис с манго, и том-ям.

Выслушав эту тираду, сочащуюся нежностью, собеседник на том конце провода надолго замолчал. Наконец раздался ошеломленный женский голос:

— Рис с манго? Том-ям? Сын, ты что, с кем-то встречаешься?

— Мама...?! — Хань Цзин обомлел. Не успел он прийти в себя, как госпожа Хань перешла в

наступление:

— Из какой семьи твоя половинка? Красивая? Почему ты раньше ничего мне не рассказывал?

Хань Цзин нахмурился, лихорадочно соображая, что ответить.

— Что молчишь? Если это недоразумение, то у меня как раз есть на примете несколько замечательных девушек. Из хороших семей, настоящие красавицы, нам с отцом они очень нравятся, — госпожа Хань отлично знала упрямый нрав сына и решила зайти издалека.

— Мама! — с легким раздражением оборвал её Хань Цзин. — Я же говорил, что сам со всем разберусь. Не нужно за меня переживать.

— Сам разберешься? — в трубке послышался мягкий смешок. — Да ты за всю жизнь ни с кем не встречался! А теперь еще и ушел с головой в эту свою математику, где кругом одни мужчины. Как тут не беспокоиться? Но раз ты наконец-то заговорил о чувствах... признавайся, у тебя действительно кто-то появился?

— Да... — Хань Цзин уловил теплоту в голосе матери и решился на откровенность: — На день рождения отца я хочу привезти кое-кого с собой. Мама... мы хотим пожениться.

— Пожениться?! — госпожа Хань явно не ожидала услышать столько твердости в его словах. На мгновение она замолчала от удивления, но быстро справилась с эмоциями и мягко ответила: — Что ж, сначала привози её. Раз ты так сильно её любишь, думаю, твоему отцу она тоже понравится. Значит, на этой неделе вы будете у нас. Я попрошу Чжан-ма подготовить гостевую комнату. Судя по всему, твоя избранница любит тайскую кухню? Она из Юго-Восточной Азии?

— Нет, он из Европы, — Хань Цзин не хотел вдаваться в подробности по телефону, поэтому поспешил сменить тему и перевел разговор на семейные дела.

Их отношения с Морисом развивались стремительно. Всего пару недель назад, во время отдыха в Юрике, Хань Цзин только пытался разгадать мысли своего генерала и робко ухаживал за ним. Кто бы мог подумать, что теперь они будут связаны столь глубоким взаимным чувством, а Морис окажется на пятом месяце беременности. Свадьба стала вопросом ближайшего времени, но из-за поглотившей его суеты он даже не успел толком продумать, как преподнести всё родителям.

<http://bllate.org/book/19677/2006469>